

Сун Чуньцзин кашлянул пару раз.

Он с силой прочистил горло:

— Лекарь Лю, — произнес он с видом оскорбленной добродетели, — я всего лишь скромный лекарь, у меня нет влиятельного отца, который мог бы поддержать и направить меня. Целыми днями я занят лечением больных и едва успеваю следить за собой. Как же мне найти время, чтобы следить за тем, какие новые строятся во Восточном дворце, или знать, как выглядит какая-то младшая наложница?

Говоря это, он вдруг словно озарило:

— Неужели...

Лю Цзысянь смотрел на него в полном недоумении.

— Неужели эта младшая наложница — ваша старая знакомая? — Сун Чуньцзин был одновременно удивлен и раздражен. — А наследный принц знает об этом?!

Лю Цзысянь промолчал.

Лю Цзысянь был настолько ошарашен, что растерялся:

— Постойте, что? Какая старая знакомая?

Сун Чуньцзин посмотрел на него так, словно увидел привидение.

— Клянусь небом, — поспешно объяснил Лю Цзысянь, — я не знаком ни с какой младшей наложницей наследного принца, это клевета!

— Не волнуйтесь, — Сун Чуньцзин похлопал его по плечу. — Я, — он указал на свой рот, — умею держать язык за зубами.

Сказав это, он взвалил медицинский ящик на плечо, обошел Лю Цзысяня и направился прямо к выходу.

Сегодня ему предстояло навестить трех государынь в гареме, так что он скоро не вернется.

Лю Цзысянь в отчаянии топнул ногой:

— Я, я пойду с вами.

— Ну что вы, что вы, — поспешно замахал руками Сун Чуньцзин. — Вы человек высокого положения, я не смею идти с вами рядом.

Сказав, он обогнул его.

По его поведению никак нельзя было сказать, что Лю Цзысянь — знатная особа; скорее, он напоминал человека, который скрывается после совершенного преступления.

Сун Чуньцзин шел впереди быстрым шагом, а Лю Цзысянь, поспешно следуя за ним с медицинским ящиком за спиной, едва поспевал.

На лбу у Лю Цзысяня выступил пот: он боялся, что Сун Чуньцзин начнет болтать с наследным

принцем лишнее.

— Лекарь Сун, вы идете слишком быстро, я не успеваю...

Он пытался объясниться, тяжело дыша.

Сун Чуньцзин, идя впереди, смеялся:

— Что-то ваши ноги не в порядке.

— Иду, иду... — Лю Цзысянь побежал пару шагов.

Их дыхание превращалось в белый пар.

Отражаясь в ярком солнце и белом снегу, они заперты за высокими крепостными стенами.

За стенами люди говорили, что у императора в гареме бесчисленное множество красавиц, по меньшей мере три тысячи, но на самом деле их было гораздо меньше.

Тех, кого видели часто, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Это было связано и с тем, что император не предавался излишествам, и с тем, что императрица и несколько старых наложниц были уже в возрасте и не могли рожать, поэтому в гареме уже давно не слышно было детского плача.

Император придавал большое значение потомству, любил детей, но детей у него было мало.

Несколько молодых наложниц строили на этом свои расчеты.

Лю Цзысянь был знатоком гинекологии в Медицинской палате, а лекарь Сун обладал выдающимся медицинским мастерством, поэтому все они делали ставку именно на этих двоих.

Их то и дело вызывали для осмотра.

Им следовало сначала навестить императрицу, затем драгоценную наложницу, и так далее.

По пути они встретили личную служанку наложницы Шу, которая попросила их зайти к ней первой.

Новая фаворитка, госпожа Шу, только что получила титул наложницы. Ее новые покои были празднично украшены, и прислуги было много.

Все говорили, что она молода и хорошо рождает, свежа и интересна, и в будущем может стать могущественной фигурой.

Сама наложница Шу тоже так думала.

Но, выпивая чашу за чашей снадобье для зачатия, она не видела никакого результата.

Наложница Шу, сначала уверенная в успехе, начала понемногу беспокоиться.

Лю Цзысянь, стоя на коленях, закончил прощупывать пульс и, как обычно, произнес:

— Государыня, вы совершенно здоровы.

Наложница Шу выглядела недовольной:

— Правда?

— Судя по пульсу, это так.

Наложница Шу кивнула и вздохнула:

— Встаньте.

Она отослала слуг, оставив только личную служанку.

Подождав немного, пока снаружи воцарилась тишина, она сказала:

— Я открою вам секрет. Я хочу ребенка не только ради борьбы за благосклонность. Император уже в возрасте, кто сможет быть со мной до конца дней, когда его не станет?

Да, наложницы гарема — существа несчастные.

Чем моложе, тем несчастнее.

Если у них не будет ребенка, который привязал бы их к жизни, как пережить эти долгие дни и ночи после кончины императора?

— Я хочу спросить вас откровенно, — нахмурив брови, жалобно произнесла наложница Шу, — как здоровье императора в последнее время?

Лю Цзысянь, согнувшись, украдкой взглянул на Сун Чуньцзина.

Сун Чуньцзин опустил голову, не шевелясь.

Наложница Шу тоже взглянула на Сун Чуньцзина, отметив про себя, что он слишком красив.

Его черты лица были изысканными: от переносицы до тонких губ все было гармонично, без лишних угловатостей.

Кожа была белой и гладкой, как яшмовая паста.

Она отвела взгляд и тихо спросила:

— Здоровье императора... все в порядке?

Лю Цзысянь, долгое время пробывший среди женщин, был человеком мягкосердечным.

Помедлив, он тихо сказал:

— Император уже в возрасте, ему не подходит заводить детей...

Наложница Шу замерла в изумлении.

— Неужели так... — она все еще была в смятении. — Император действительно не может иметь детей?

Лю Цзысянь открыл рот, собираясь что-то сказать, но Сун Чуньцзин, стоявший за ним, холодно произнес:

— Государыня, вы лучше всех знаете, в каком состоянии здоровье императора. Мы, лекари, можем только ставить диагнозы, но не можем лично испытать это на себе.

Эти слова были одновременно неприличными и дерзкими.

На первый взгляд, это звучало как похабщина в адрес порядочной женщины.

Лю Цзысянь уже весь в мыле.

Наложница Шу действительно разозлилась.

Лицо ее то краснело, то бледнело, она едва могла выдать слово.

Через некоторое время наложница Шу с гневом произнесла:

— Теперь в Медицинской палате действительно не знают меры, позволяют мелким лекарям быть дерзкими и бесцеремонными.

Сун Чуньцзин не встал на колени и не отступил, стоя неподвижно, как дерево.

Лю Цзысянь поспешно сказал:

— Государыня, не сердитесь, гнев вреден для зачатия...

Наложница Шу на мгновение замерла, затем резко махнула рукой, опрокинув весь стол с чаем на пол.

Чай был еще горячим, его намеревались предложить этим двоим, но теперь он был выплеснут.

— Весь попал на одежду и обувь.

Лю Цзысянь, стоявший на коленях низко, получил несколько капель и на лицо.

— Что случилось, государыня? — спросили за дверью.

Лю Цзысянь с ужасом смотрел на наложницу Шу.

Поскольку здоровье императора было слабым, Медицинская палата стала пользоваться беспрецедентным вниманием, что вскружило им головы и развязало язык.

Лучше обидеть чиновника гражданского ведомства, чем кого-то из Медицинской палаты.

Это было то, что все во дворце знали, хотя про себя.

Даже если лекарь говорил что-то неуместное или совершал мелкую ошибку, если это не было тяжким преступлением, люди из гарема не могли напрямую наказывать их.

Кроме того, хотя Сун Чуньцзин был болтлив, наложница Шу первая начала расспрашивать о здоровье императора.

И задавала вопросы о сокровенном.

Это было большим табу.

Если бы Сун Чуньцзин проболтался и донес на нее, ее милость могла бы подойти к концу.

Наложница Шу немного успокоилась и повысила голос:

— Ничего.

За дверью снова воцарилась тишина.

Сун Чуньцзин с бесстрастным лицом, в крайне почтительной позе, кивнул:

— Государыня, вы заняты, я пойду осматривать пульс императрицы.

Губы его слегка скривились в подобие улыбки.

Наложница Шу от злости схватилась за сердце.

Сун Чуньцзин откланялся и, выходя, спросил Лю Цзысяня:

— Лекарь Лю, императрица, наверное, уже ждет. Вы пойдете со мной?

Лю Цзысянь не осмелился сильно повернуть голову, но исподлобья взглянул на наложницу Шу.

Наложница Шу махнула рукой.

Лю Цзысянь, как будто получив помилование, поспешно отполз на несколько шагов назад, встал и вышел вместе с Сун Чуньцзином.

Наложница Шу злобно посмотрела им вслед.

Сун Чуньцзин краем глаза заметил этот взгляд, полный ненависти.

Он отвел взгляд, совершенно не обращая на это внимания.

Они вышли и прошли целую улицу, и только на повороте Лю Цзысянь сказал:

— Спасибо, что выручил меня, иначе не знаю, как долго бы наложница Шу меня мучила.

На поверхности вина лежала на Сун Чуньцзине за его грубые слова.

Но на самом деле Лю Цзысянь не смог устоять перед мольбами наложницы Шу и ответил на ее вопросы о здоровье императора.

Если бы об этом узнали люди с дурными намерениями, это могло бы стать серьезным преступлением, с которым не так просто покончить.

Лю Цзысянь снова поклонился ему:

— На этот раз спасибо за напоминание, иначе правда...

— Ты пойдешь со мной в Средний дворец? — прервал его Сун Чуньцзин.

Лю Цзысянь замахал руками:

— Видишь, я весь в чае. Так идти к императрице будет неуважительно. Я сначала вернусь в Медицинскую палату переодеться, иди один.

Сун Чуньцзин слегка улыбнулся, кивнул и направился в Средний дворец.

У императрицы было гораздо тише.

Обычно здесь было тихо, она была уже в возрасте и не любила шума.

Но сегодня было не так: еще до того, как войти, он услышал доносящийся изнутри смех.

Сун Чуньцзин немного удивился: неужели император здесь?

Императора не было.

Как раз вовремя, здесь был наследный принц.

Сун Чуньцзин, стоя за дверью и услышав знакомый голос, подумал, что даже днем можно увидеть привидение.

Старшая служанка поклонилась и звонко произнесла:

— Лекарь Сун пришел, просим внутрь.

Он только собирался доложить, но Сун Чуньцзин поспешно замахал руками:

— У императрицы гости, я зайду позже.

— Какие там гости, наследный принц сегодня пришел навестить государыню, они сейчас радуются.

<http://bllate.org/book/17721/1656276>